

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НЕКРАСОВА

(ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ)

Ровно тридцать лет назад, в этот самый день, 27 декабря, часов в десять вечера, я подъехал к дому Краевского (на углу Литейной и Бассейной), где жил Некрасов, чтобы справиться о состоянии его здоровья; вернее - узнать, не совершилась ли печальная катастрофа, которой мы, более или менее близкие поэту люди, ждали в течение последней недели уже не со дня на день, а с часу на час, с минуты на минуту...

По выражению лица швейцара, отворившего мне входную с улицы дверь, я понял, что все кончено, что Некрасова уже нет между живыми. И, не делая никаких вопросов, поднялся в квартиру. Здесь, в передней, встретил меня верный Никандр в его длиннополом сюртуке и высоких сапогах - костюме, не мешавшем ему исполнять должность заправского "официанта" на всех обедах, которые давал Некрасов своим друзьям и знакомым, и не покидавшем его как в этой должности камердинера, так и в неизменном сопровождении Николая Алексеевича на охоту, в поездках, всюду.

На глазах Никандра стояли крупные слезы.

- Ушел Николай Алексеевич, - глухо произнес он. - Далеко ушел... Не вернется...

- Когда? - спросил я.

- Без десяти девять было... Час назад...

В первой комнате, служившей и чем-то вроде гостиной, и бильярдной, и приемной для посетителей редакции, я застал М. Е. Салтыкова, Н. К. Михайловского, если память мне не изменяет - Скабичевского, брата умершего и еще двух-трех человек... Я прошел в спальню, где на постели лежал поэт, которого только что "обрядили", чтобы перенести на стол. В углу сидела и тихо плакала жена поэта (незадолго до того с ним обвенчанная)¹, Зинаида Николаевна, та самая "Зина", которая почти все время болезни не отходила от него ни на шаг, в сердце которой - писал он ей - "двести уж дней, двести ночей, ночью и днем стоны мои отзываются"... которую он заботливо просил: "Зина! Закрой утомленные очи! Зина! усни!.." ²

С невыразимо мучительным чувством смотрел я на лицо почившего страдальца. Смерть не наложила на это лицо того величавого спокойствия, какое большей частью разливается по лицам умерших через несколько минут после того, как последний вздох вылетел из их груди. Лицо поэта сохраняло еще - и сохранило почти до погребения - резко отпечатленными следы переживавшихся им так долго физических страшных страданий; и, глядя на них, я вспоминал последнее наше свидание... В предпоследний раз я видел Некрасова в начале лета 1877 года перед отправлением его на дачу (Строгановскую, на Черной речке) после сделанной ему венским хирургом Билльротом операции³. Я тоже уезжал из Петербурга и зашел проститься. Николай Алексеевич стоял у бильярда, опершись на него обеими руками, видимо отдыхая в этом положении.

- Как вы себя чувствуете? - спросил я.

- Плохо, отец (обыкновенный "термин" его в обращении к близким людям, хотя бы и значительно моложе его), плохо! Немец (проф. Билльрот), уезжая, уверял меня, что я долго еще буду бременить собою землю... ну, а я ему, хоть он и немец, не особенно верю... Рад, что вы зашли. Может быть, уж никогда в жизни не увидимся; да и дело есть. Зайдите в контору ("Отечественных. записок"), - там я сделал распоряжение выдать вам двести рублей авансу.

- Зачем же это, Николай Алексеевич? Я ведь не просил... мне в настоящую минуту не нужно...

- Все равно. Вернусь ли я с дачи живым или повезут меня оттуда прямо на кладбище, - это еще бог весть. А коли случится последнее, - так сотрудники могут очутиться без меня в скверном положении: денежная нужда ведь сразу налетает... Ну, я и распорядился - на всякий случай, -- хоть немного обеспечить авансами наших "постоянных"... Ну, до свидания, лягу... Коли не сейчас уедете за границу, навестите на даче...

Когда я вернулся в Петербург - это было осенью того же года, - Некрасова уже перевезли в город, перевезли в положении, которое не обещало ничего, кроме скорой и роковой развязки. Уверения "немца" (может быть, делавшиеся только для успокоения больного) оказались несостоятельными. Физические муки делались все более и более невыносимыми, и если поэта нельзя было теперь назвать "живым мертвецом", то только потому, что мертвецы никаких мучений не испытывают, да еще потому, что, как другой великий страдалец и великий поэт, Генрих Гейне, наш Некрасов, в своей страшной физической агонии, мог еще создавать такие чудные песни, как его бессмертное "Баюшки-баю...".

В это время к Некрасову не допускали уже почти никого; впрочем, он так страдал, что не до приемов; не до бесед было ему.

В один из этих - почти предсмертных - дней я зашел осведомиться о его положении⁴. На мой вопрос Никандр только махнул безнадежно рукой.

- Да не хотите ли сами повидаться? - спросил он.

- Разве можно?

- Сегодня как будто полегче немножко... Говорил, если кто из своих зайдет, - попроси... Только долго не сидите... Пойдите, я доложу...

Через несколько минут я вошел в спальню. Поэт лежал в постели, весь обложенный подушками: на одеяле лежала раскрытая тетрадка, и подле нее карандаш... сюда набрасывались по временам, в "светлые промежутки", отрывки из "Последних песен" (таким изображен он на находящемся в моей портретной галерее удивительно схожем и составляющем большую редкость снимке, на знаю чьей работы)⁵. Лицо его... никогда не забыть мне выражения этого лица - выражения не физического, а, так сказать, духовного и, не моему неумелому перу передать хотя приблизительно то, что читалось в этих глазах, еще не утративших той истинно магнетической силы, которая всегда присутствовала в них, но к которой присоединились теперь не то отчаяние, не то озлобление против судьбы, не то суровая покорность ей...

Наша беседа продлилась всего несколько минут; и больному было тяжело говорить, и у меня слова останавливались в горле... Я встал, и сказанное мною "до свидания" зазвучало с резкой фальшью в моем сердце: я хорошо понимал и чувствовал, что "свидание" мое с поэтом было на этот раз последнее...

- Пойдите, - вдруг сказал Некрасов в то время, когда я направлялся к дверям, - погодите еще минутку... Вы ведь много занимались Гейне, знаете всю его жизнь...⁶ Расскажите мне о его предсмертной болезни... он тоже ведь страдал не меньше моего... Расскажите,.

- Полноте, Николай Алексеевич. У вас и без того нерадостно на душе... зачем вам такие печальные рассказы? Хотите что-нибудь веселее?

- Нет, расскажите, расскажите, - повторил он так настойчиво, что надо было исполнить его волю. Я начал сообщать разные подробности, стараясь выбирать наименее потрясающее из страшной трагедии, пережитой творцом "Книги Песен" в его "матрачной могиле", - и когда

упомянул, что Гейне, в дни его страданий, находил ужасным "не смерть (если вообще она существует, - прибавлял он), а умирание"⁷, - Некрасов вдруг остановил меня:

- Как! Гейне сказал это? - произнес он с необычайною живостью.

- Да, а что?

- Удивительно! Да ведь это почти слово в слово мой стих, недавно написанный: "Хорошо умереть, тяжело умирать"...⁸ Удивительно!..

И он закрыл глаза. Я тихонько вышел, - и когда снова увидел дорогого поэта, он лежал бездыханным - на той же самой постели...

* * *

В очень морозное утро, 30 декабря, я, Н. К. Михайловский и не помню кто еще из сотрудников "Отечественных записок" вынесли на руках труп Некрасова из его квартиры. На улице пред домом собралась тысячная толпа, преимущественно молодежи, не давшей поставить гроб на колесницу и понесшей его на руках. Чем дальше подвигались мы вперед, тем больше увеличивалась эта толпа, и к кладбищу Новодевичьего монастыря сошлось уже больше пяти тысяч человек... Это были первые грандиозные похороны русского писателя, -- не такие торжественные, как следовавшие за ними через несколько лет похороны Достоевского и Тургенева - особенно последнего, -- но, во всяком случае, очень величественные. "Слава богу, - сказал шедший за гробом Салтыков (Щедрин), - начинают понимать, что значит писатель... Подождите, через несколько лет не то еще будет..."

И с тех пор, каждый раз, как я проезжаю по Литейной, мимо дома Краевского, тысячи воспоминаний встают у меня в душе при взгляде на эту квартиру, в которой я впервые увидел Некрасова в 1858 году и откуда в последний раз вынес его девятнадцать лет спустя, квартиру, в которой помещалась одна из идеальнейших редакций, какие только можно себе представить, квартиру, в которой немало незабвенных часов привелось мне провести с человеком громадного природного ума и крупнейшего лирического дарования, с личностью, в высшей степени замечательной во многих других отношениях...

Но Некрасову отведу я еще много страниц в тех "Записках", которые пишу теперь на старости лет...⁹

Примечания

Петр Исаевич Вейнберг (1831--1908) - поэт, переводчик, критик, в 50-е годы сотрудничал в "Современнике", в "Искре". Вейнберг пользовался поддержкой и расположением Некрасова. В 1861 году Вейнберг предпринял издание журнала "Век", и для его первого номера Некрасов дал стихотворение "Деревенские новости". С 1868 года Вейнберг сотрудничал в "Отечественных записках", где были опубликованы его переводы английских, американских, немецких поэтов и несколько обзоров иностранной литературы.

Вейнберг выступал с воспоминаниями о Некрасове сначала на литературных вечерах, организованных Литературным фондом в 20 и 25 годовщину со дня смерти поэта. В 1902 году он дал интервью корреспондентам "Петербургской газеты" (№ 348, 19 декабря) и газеты "Новости" о своих встречах с Некрасовым. Он вспомнил о начале своего знакомства с поэтом: "Я прибыл в Петербург в 1858 году и с письмом Дружинина отправился к Николаю Алексеичу, который принял меня крайне сердечно и дружелюбно. Это был в высшей степени приветливый, прямо-таки обаятельный чело" век; он мог обласкать и пригреть. Прямой, временами даже резкий, Некрасов не стеснялся в выражениях своих симпатий, и если любил кого, то любил всею силою своей прекрасной души; но уже если не понравится ему кто, то не только холоден, а прямо льдом обдавал его. Первой работой, которую я представил Николаю Алексеичу, был перевод Шекспировского "Генриха VII" для издания, предпринятого Некрасовым совместно с Гербелем" ("Новости", 1902, № 351, 21 декабря). Там же Вейнберг писал, что Некрасов "с

поразительной верностью отмечал талантливых людей и всегда оказывал им широкое содействие. Но людей бездарных, так или иначе желавших пристроиться к печатному слову - Некрасов не переносил, не вступал с ними ни в какие сношения и всегда в глаза говорил им: "Литературе вы не нужны, ищите себе другое поприще".

Печатается по машинописной копии, исправленной автором, хранящейся в *ИРЛИ* (1347/х б. 32, лл. 1--3). Впервые с неточностями - "Слово", 1907, No 340, 28 декабря.

¹ Стр. 464. Некрасов обвенчался у себя на квартире 4 апреля 1877 г. По воспоминаниям П. А. Ефремова, это произошло так.

"... Хотели венчать его у постели и даже подговорили, под строжайшим секретом, священника из домового церкви, который взялся венчать на дому.

Об этом, по секрету, было сообщено, между прочим, Г. И. Успенскому. Тот разболтал, а священник, узнав, что по городу ходят слухи, наотрез отказался венчать, не желая рисковать местом.

Тогда Унковский, по просьбе Некрасова, поехал к митрополиту Исидору.

Митрополит сослался на церковные уставы и сказал, что ничем нельзя помочь.

"Так неужели, ваше высокопреосвященство, - говорит Унковский, - ничем нельзя помочь больному, который перед смертью желал бы загладить грех своей жизни?"

"Что делать? Ничем не могу помочь. Ведь мы сами связаны. Нужно венчать непременно в церкви. Ведь у нас не то, что у военных. Военное духовенство имеет свои походные церкви. Поставил палатку, тут у него и церковь, где он всякое таинство может совершить.

Унковский, вернувшись от митрополита, обратился к военному духовенству. Достали церковь-палатку, поместили ее в зале у Некрасова и здесь же, поддерживая его за руки, обвели его три раза вокруг наоя, уже полумертвого от страданий. Он был при этом босой и в одной рубашке" (<А. М. Ловягин>, Из бесед с П. А. Ефремовым. - "Доклады и отчеты Русского библиологического общества", вып. 1, СПб. 1908, стр. 5). Духовенство, узнав о венчании Некрасова, пыталось объявить этот акт незаконным (См. *Щедрин*, т. 19, стр. 103).

² Стр. 464. Из стихотворения "Зине" (1876).

³ Стр. 464. Операция была сделана 12 апреля 1877 г.; на дачу Некрасов переехал 1 июля.

⁴ Стр. 465. Корреспонденту "Петербургской газеты" Вейнберг говорил, что последний раз он видел Некрасова "недели за три до смерти" (Паспарту, Воспоминания о Н. А. Некрасове. У П. И. Вейнберга, - *ПГ*, 1902, No 348).

⁵ Стр. 465. Речь идет о фотографии Ф. Каррика (1877).

⁶ Стр. 466. П. И. Вейнберг переводил Гейне. Переводы печатались в "Современнике", "Отечественных записках" и других журналах.

⁷ Стр. 466. Гейне, разбитый параличом, с 1848 г. до смерти (1856) не покидал своей постели. Он называл ее "матрацной могилой". Гейне писал Ю. Камне 1 сентября 1846 г.: "... ужасно умирание, не смерть, если смерть вообще существует" (Г. Гейне, Собр. соч. в десяти томах, т. 10, Гослитиздат, 1959, стр. 201).

⁸ Стр. 466. Из стихотворения "Скоро стану добычею тленья..." (1876). Надо: "Тяжело умирать, хорошо умереть".

⁹ Стр. 471. Эти "Записки" неизвестны.